

Научная статья
УДК 81.11
DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_155

ОБРАЗ ВОРОНЕЖА В ТРОПЕИЧЕСКОМ ВОПЛОЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Марина Игоревна Филатова¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹Аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,
ORCID ID: 0009-0008-7979-745X, e-mail: mar.fil.11@yandex.ru

Аннотация. Предлагаемая тема аналитической статьи связана с решением вопроса, касающегося описания лингвистических средств репрезентации образа провинциального города, представленного в литературно-художественных произведениях. В связи с этим автор рассматривает актуальные проблемы определения понятий «образ» и «образ города», до настоящего времени до конца системно не разработанные в научной лингвистической литературе. В исследовании впервые предложена методика комплексного анализа тропеических средств, используемых в художественном тексте для создания образа города, которая базируется на системно-функциональном подходе, учитывающем классификацию единиц лексико-фразеологического уровня с их контекстуальными особенностями, позволяющая сформировать представление об образе города Воронежа как особого текста культуры и его важнейших составляющих и выявить ключевые смыслы авторского замысла. Особое внимание уделено типологии основных составляющих макрообраза Воронежа и определению роли урбанистических микрообразов и сюжетов как миромоделирующих координат. «Воронежский текст» парадигматически объединяет комплекс микрообразов в составе образа города Воронежа, которые воплощают специфическую модель городского бытия и характеризуются единой системой средств художественного выражения.

Ключевые слова: образ, образ города, Воронеж, «воронежский текст», литературно-художественный текст, тропеические средства.

Для цитирования: Филатова М.И. Образ Воронежа в тропеическом воплощении (на материале литературно-художественных текстов) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 4. С. 155–159. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_155

Введение

Как известно, проблема определения понятия образа не нашла окончательного решения в научной литературе: образ рассматривается с позиции представленности в нем эмоционально-чувственных семантических компонентов как единица образной системы, рассматриваемая в границах ее лексической репрезентации и уникальности семантического потенциала [6], как составная часть концепта или когнитивного механизма, принимающего активное участие в познании, а также в кодировании, репрезентации и трансформации знаний [9]; как «вторичный изобразительный знак» [7], или как элемент вторичной семиотической системы, понимаемой как «идеографическая система в чистом виде, в которой формы мотивированы тем концептом, который они

репрезентируют» [3, с. 93]; «знак, нагруженный дополнительным образным означаемым, возникающим, в частности, из практики задействования данного знака в качестве актера для того или иного набора актантов» [14, с. 50]. Ср.: «...образ – это целостное представление...о некотором предмете, явлении, которое бессознательно или осознанно возникает в ментальном пространстве носителей данного языка и данной культуры путем его соотнесения с представлением о другом предмете, явлении, уже существующем в коллективном и/или индивидуальном сознании и речевой практике говорящих на данном языке» [8, с. 169]. Отдельные исследователи сближают понятия образа и символа, не обращая внимание на различия механизмов накопления в них культурно-знакового опыта [1, с. 386]. На наш

взгляд, следует согласиться с мнением исследователей, определяющих образ как «комплексную семиотическую конструкцию, имеющую в роли знакового средства некоторый первичный знак, а в роли объекта – все фрагменты действительности (факты), подобные этому знаку, в силу того, что этот первичный знак детерминирует по принципу сходства с ними вторичный, образный интерпретант» [15]. Образ выполняет целый ряд функций, связанных прежде всего с накоплением семиотического опыта в том или ином дискурсе и передачей этого опыта от одного дискурса к другому. В художественной литературе образ формируется творческими усилиями мастеров слова, которые обязательно используют изобразительно-выразительные ресурсы языка и речи.

В существующей в настоящее время системе образов наиболее сложным и неоднозначным является понятие «образ города» (термин К. Линча), сложность которого как объекта описания обуславливает необходимость выработки четких критериев его реконструкции: образ города воплощает в себе «слишком многое... У него столько ликов, сколько умеет распознать художник» [4, с. 158]. С точки зрения общественных наук город является центром, где рождается и откуда управляется экономическая, политическая и культурная жизнь, центром, вовлекающим самые удаленные общины мира в свою орбиту и объединяющим в некое общее пространство различные территории, народы и виды деятельности [5]; с точки зрения семиотики город – это особого рода текст культуры, которому «приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [12, с. 22].

Как показал анализ научной литературы, детально анализу подвергались образы разных российских (напр., Петербурга [Анциферов, 1990], Москвы [Шерганова, 2007], Перми [Абашев, 2000], Вятки [Осипова], Архангельска [Давыдов, 1988], Челябинска [Милюкова, 2000], Шадринска [Деткова, 2009], Владивостока [Авченко, 2015], Омска [Мальшева, 2017], Екатеринбурга [Бурганова, Везнер, 2013] и др.) и зарубежных (напр., Рима [Пшебыльский, 1966], Венеции [Меднис, 1999] и др.) городов, однако образ города Воронежа до настоящего времени не был предметом пристального внимания лингвистов, что и определяет актуальность настоящего исследования. Источником, дающим языковой материал для лингвистического описания образа города Воронежа, в настоящем исследовании стал «воронежский текст», включающий в свой состав тексты художественных произведений воронежских писателей и поэтов. Лингвистическая интерпретация образа, несомненно, «должна производиться на основе прежде всего лингвистических фактов, с опорой на языковые средства, дающие представление об образе, тогда как данные смежных наук следует использовать для подтверждения или опровержения сведений, полученных в рамках лингвистических исследований... Подчеркнем главное – в основе описания этих языковых средств должен лежать системно-функциональный подход к их анализу, связанный с классификацией единиц лексико-фразеологического

уровня, с их контекстуальным анализом, с выявлением и упорядочением тех синтаксических структур, в рамках которых эти единицы функционируют... Языковые средства, дающие представление об образе, их семантика, особенности функционирования в условиях разнообразных контекстов – вот что должно составлять основу характеристики образа... с лингвистических позиций» [16, с. 19–21]. Ср.: «...языковой образ – это вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета» [2, с. 18–19].

Результаты

Образ города Воронежа, с одной стороны, опирается на специфику конкретного предметного пространства, с другой – является результатом восприятия людьми этого пространства. Посредством упорядочивания разрозненных ощущений и переживаний происходит формирование целостного представления, как правило, выраженного в художественном произведении посредством тропических средств, способных «актуализировать в рамках контекста эстетический потенциал определяемого, обуславливая семантические приращения и трансформации» [13, с. 10].

Как показало исследование, для создания художественного образа города Воронежа могут использоваться следующие разновидности тропов.

1. **Эпитеты:** а) колоративные эпитеты, выделяющие цветовые признаки исследуемого образа (ср.: *голубой, синий, черный, красный, багровый, золотой, зеленый, пестрый и др.*). Ср.: «*Верный сын синеглазой России*» (С. Никулин) – эпитеты «*синий*», «*голубой*» и сложные эпитеты типа «*синеглазая*» указывают на связанность с рекой Воронеж, на берегах которой располагается город и которая впадает в реку Дон, несущую свои воды в Азовское море; «*И как навязчивая морочь, / Как синих чаек дальний плач...*» (А. Жигулин); и с православной верой: «*И за ветхих черных стен торчали золотые и синие маковки церквей*» (В. Кораблинов). Ср. также: «*Полгорода в чёрном огне*» (В. Будаков); «*И эта мёрзлая земля – // багровый снег и чёрный камень // была твоей и есть твоя, // твоей останется веками*» (К. Гусев) – с одной стороны, Воронеж – это столица Черноземья, и эпитет «*черный*» отражает связь с воронежской плодородной землёй, с другой стороны, вызывает ассоциации с войной, ужасы которой пришлось пережить городу Воронежу; б) метафорические: «*В саду и дали мне глоток / Живой донской воды*» (С. Маршак) и оксюморонные: «*Звучит земля – последнее оружие – Сухая влажность черноземных га...*» (О. Мандельштам) эпитеты; в) эмоционально-оценочные, содержащие ценностную, аксиологическую квалификацию описываемого предмета или явления: «*...если здесь возблещут снова / из-за снежной кисеи / очи жаркие Кольцова...*», «*...погрязшего достоинства в людях в немыслимо жестоких испытаниях в годы фронта*» (В. Гордейчев).

Особой экспрессивностью обладают эпитетные цепочки: «*И Куликовской битвой веют склоны / Могучей, победительной земли*» (А. Ахматова); ср.: победительный – 1) победный, побеждающий; 2) сознающий свое превосходство, победоносный [11]. Ср.

также: «Ах, Воронеж, Воронеж, Воронеж, / Мой талантливый, мой золотой!» (Н. Добронравов); «Необозримый, огромный Воронеж: / И.Лы летят... С ветром мчат поезда...» (Г. Остапенко); «Кровавые, страшные города раны / Прикрыла зима белым снегом своим» (М. Долгих).

Безусловно, эпитеты – имена прилагательные, как правило, участвуют в описании всех составляющих исследуемого образа и традиционно являются неистощимым источником эстетического значения, которое актуализируется вследствие его эпитетизации, обусловленной процессами расширения валентности и способности его к формированию индивидуально-авторских словосочетаний: *зеленая муравка, синее небо, белые или розовые облака; извилины русла были черны от прибылой воды с Дона; дорожки посыпаны красным песочком; серые, с моховой зеленцой, бревенчатые стены; в сизой гущи деревьев поблескивала золотая луковица шатровой колоколенки Акатова монастыря; на яркой оранжевой воде стояли корабли.*

2. Метафорические конструкции, характеризующие ландшафтные микрообразы (образы уличного пространства и городских дорог): «Я люблю твои улицы зыбкие, / Этой осени юной объятия, / Сквозь гирлянды и блики огней / Перекрестков ночных распятья» (А. Федорова) и создающие архитектурные образы (образы домов, административных зданий и сооружений): «На месте, где раньше была мыловарня: // Её возвели в девятнадцатом веке. // Я помню те зданья: кирпичное чудо // Фасадов, фронтонов, узорчатой кладки – // Пример мастерства, обращённый в искусство...» (И. Щелоков). Подобные метафоры отличаются особенной частотностью в текстах воронежских авторов, поскольку «город воплощает идею организации пространства обитания человека (соотносясь с понятиями род/дом/родина), включая различные формы телесности: самого человека и внешнюю «телесность» (жилища, здания, улицы)» [17, с. 4].

Метафоры, функционирующие в «воронежском тексте», могут описывать особенности истории города и этапы его исторического развития: «О, сколько же ты в жизни повидал! / Разрушен был, из пепла вновь воспрал...» (А. Дегтярев); «Церкви на прочной опоре/здесь – на слезах и крови» (С. Жигалин). Город в «воронежском тексте» изображается как культурно-исторический организм, который обладает разными пространственно-временными характеристиками, потому что существует в разных литературных произведениях в прошлом или настоящем времени.

Важной составляющей города, безусловно, является природа, которой посвящена целая серия метафор. Одним из наиболее важных природных образов-символов, связанных с Воронежем, является образ Дона: «Дон Тихий ниткою синей/земли связал без дорог» (С. Жигалин). К этой метафорической группе примыкают метафоры, отражающие единство городского пространства с природным миром или противопоставляющие их друг другу. Так, например, особую группу формируют метафоры, создающие очеловеченный образ воронежского чернозема: «Как на ле-

мех приятен жирный пласт, / Как степь лежит в апрельском провороте... / Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глаза ст – / Черноречивое молчание в работе» (О. Мандельштам). Слово «чернозем» и образованные от него производные, наполняясь в «Воронежских тетрадах» О. Мандельштама новыми смыслами и оттенками, становятся емкой метафорой единства человека и природы.

Кроме того, метафоры могут относиться к определенным элементам городского пространства: «Ни врагам ты не сдался, ни бедам, // И об этом со мной говорят // Твои улицы, площадь Победы, // Первомайский задумчивый сад» (С. Никулин); «Ротонда – каркас из руин, // Ротонда – как боль разрывная?!» (В. Будаков); «И в объятьях Кольцовского сквера / Снова молодость сердце согреет» (С. Гребенников).

Подобные метафоры по вспомогательному субъекту, как правило, являются антропоморфными, поскольку характеризуют город как живой организм (город Воронеж – ратник, ратай, труженик, солдат, воин), ему приписываются характеристики человека: «И ратай, и ратник – мой край!» (В. Будаков); ср.: «ратай – ратник, воин; от глаг. орать: оратай, пахарь, земледелец» [11]; «На волнистых берегах, в русском поле, / Город-труженик стоит Божьей волей» (С. Гребенников); «Тополя раскрылатились гордо, / горсти листьев держа на весу. / Если парки – улыбки города, / то Воронеж хохочет восток!» (В. Гордейчев); «Верный сын синеглазой России, // Неповрежденный город-солдат» (С. Никулин). «Пусти меня, отдай меня, Воронеж, / Уронишь ты меня или проворонишь, / Ты выронишь меня или вернешь / Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож» (О. Мандельштам). Ср. также: «Если Волга – в Каспийское море, / то Воронеж впадает в весну!» (В. Гордейчев); «Согрей меня скупой лаской, / Заглядь печальные следы. / И приведи на мост Чернавский, / К раскатам солнечной воды» (А. Жигулин); «Мой город воин! Ты непобедимый!» (А. Воронин).

3. Сравнения, построенные по моделям разных типов: а) сравнения – конструкции с союзом КАК: «Те, что оружием отмерцав, // ушли от нас прощальным строем, // живут, стучат у нас в сердцах. // Для них, как памятник, построим // мы город наш. А там // в строй станут сыновья и внуки...» (К. Гусев); б) сравнения, выраженные именем существительным в творительном падеже: «В полдень к речке приходим с тобой мы / любоваться высокой водой. / Здесь, на зеркале залитой поймы, / солнце рыбкой стоит золотой. (В. Гордейчев); «Здесь, на бархатных буграх, в русском поле / Град Воронежский стоит Божьей волей. / Отражается в воде вольной птицей» (С. Гребенников); в) сравнения – приложения: «Воронеж – удивительный в топографическом отношении город. Центр ровен, как стол. Проспект Революции – уменьшенный Невский, стрела, а не улица. <...> А от этой улицы в сторону, тут же, киевско-московские кручи, обрывы, прямо овраги <...>. Этот местный Подол – деревня, и совершенно буквальная: все на холмиках и оврагах» (С. Рудаков) [10, с. 276–277].

Лексические средства выразительности, представленные синонимами и антонимами [Проспекты здесь весьма просторны. / Деревья всюду: там и тут / Благоухают и цветут. / И даже есть на море волны

(А. Широких)], фразеологизмами [«Здравствуй, родина Кольцова и Никитина, / Светлый край науки и труда! / Все прекрасное, что мною здесь увидено, / Влилось в душу *раз и навсегда*» (И. Кобелев)] и стилистически-окрашенной (в первую очередь высокой) лексикой (напр., *други, младость* и др.), также находят отражение в творчестве воронежских авторов и участвуют в формировании образа Воронежа. Ср.: «*Назначайте свидания, други, / у старинного сквера с Петром / Он по-своему влюбленную младость / осеняет движеньем руки...*» (В. Гордейчев).

Выводы

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что «воронежский текст» парадигматически объединяет комплекс микрообразов как составляющих макрообраза города Воронежа, которые воплощают

специфическую модель городского бытия и характеризуются единой системой средств художественного выражения (например, антропоморфные метафоры, символическое уподобление или противопоставление города и природы и др.). Комплексное исследование выразительных средств в ткани художественного целого не только дает весьма полную информацию о художественном объекте – городе Воронеже, его свойствах и отношении к нему автора художественного текста, но и помогает выявить ключевые смыслы творчества писателя или поэта.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Аверинцев С. Символ художественный // Собрание сочинений. Киев, 2006. С. 386–394.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова : Синергетика языка, сознания и культуры : монография. Москва : Academia, 2002. 391 с.
3. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 297–318.
4. Володина Т. И. Пространство города в русской литературе и искусстве первых десятилетий XX в. : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2013. 337 с.
5. Гидденс Э. Социология. М. : Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
6. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации : монография. М. : Флинта : Наука, 2010. 320 с.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб., 1998. С. 14–285.
8. Лукьянова Н.А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 169–186.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 30 с.
10. Рудаков С. Из писем 1935–1936 годов // Мандельштам О. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы. Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 1999. С. 276–356.
11. Ефремова Т.Ф. Самый полный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, 2015.
12. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003. С. 7–119.
13. Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 460 с.
14. Фомин И.В. Категория образа как средство изучения политической действительности (на примере образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе) // Символическая политика. 2014. С. 40–65.
15. Фомин И.В. О семиотической модели образа // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 37–51.
16. Чернова С.В. Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема. Киров : ВятГГУ, 2011. С. 9–24.
17. Шмидт Н.В. «Городской текст» в поэзии русского модернизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.

References

1. Averincev, S. (2006) Simvol hudozhestvennyi [Artistic symbol]. *Sobranie sochinenii*. Kiev, pp. 386–394. (In Russian)
2. Alefirenko, N.F. (2002) *Poeticheskaya energiya slova: Sinergetika yazyka, soznaniya i kul'tury* [Poetic energy of the word: Synergetics of language, consciousness and culture]. Moscow, Academia publ. 391 p. (In Russian)
3. Bart, R. (1989) Ritorika obraza [Rhetoric of the image]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow, Progress publ., pp. 297–318.
4. Volodina, T. I. (2013) *Prostranstvo goroda v russkoi literature i iskusstve pervykh desyatiletii XX v.*: diss. kand. iskusstvovedeniya [The space of the city in Russian literature and art of the first decades of the 20th century. Cand. art hist. sci. diss. abstr.]. Moscow. 337 p. (In Russian)
5. Giddens, E. (2005) *Sociologiya* [Sociology]. Moscow, Editorial URSS publ. 632 p. (In Russian)

6. Ilyuhina, N.A. (2010) *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoi interpretatsii* [Metaphorical image in semasiological interpretation]. Moscow, Flinta, Nauka publ. 320 p. (In Russian)
7. Lotman, Yu.M. (1998) The structure of a literary text. In: *About art*. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPb. publ., pp. 14–285. (In Russian)
8. Luk'yanova, N.A. (2003) Kognitivnye istochniki obraznykh slov [Cognitive sources of figurative words]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. (3–4), 169–186. (In Russian)
9. Popova, Z.D., Sternin, I.A. (1999) *Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The concept of "concept" in linguistic research]. Voronezh. 30 p. (In Russian)
10. Rudakov, S. (1999) From letters of 1935–1936. In: *Mandel'shtam O. Voronezhskie tetradi. Stihi. Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty*. Voronezh, Izd-vo im. E.A. Bolhovitinova, p. 276–356. (In Russian)
11. Efremova, T.F. (2015) *Samyi polnyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 3-h tomah* [The most complete explanatory dictionary of the Russian language in 3 volumes]. Moscow, AST publ. (In Russian)
12. Toporov, V.N. (2003) Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» [Petersburg and the "Petersburg text of Russian literature"]. In: *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye trudy*. St. Petersburg, pp. 7–119. (In Russian)
13. Fadeeva, T.M. (2014) *Slozhnyy jepitet – jadernaja edinica hudozhestvennogo prostranstva v russkom jazyke*: dis. ... d-ra filol. nauk [Complex epithet – core unit of fictional space in Russian. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 460 p. (In Russian)
14. Fomin, I.V. (2014) The category of image as a means of studying political reality (using the example of the image of South Ossetia in Russian foreign policy discourse). In: *Symbolic politics*, pp. 40–65. (In Russian)
15. Fomin, I.V. (2018) O semioticheskoi modeli obraza [On the semiotic model of the image]. *Slovo.ru: bal-tijskij akcent*. 9 (2), 37–51. (In Russian)
16. Chernova, S.V. (2011) The image of a person: interpretation of the term, sources for study, multiple interpretations, linguistic analysis. In: *Interpretation of the human image as a linguistic problem*. Kirov, VyatGGU publ., pp. 9–24. (In Russian)
17. Shmidt, N.V. (2007) «Gorodskoi tekst» v poezii russkogo modernizma: avtoref. dis...kand. filol. nauk [“Urban text” in the poetry of Russian modernism. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow. 20 p.

Поступила в редакцию 06.11.2023

Подписана в печать 28.12.2023

Original article

UDC 81.11

DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_155

**THE IMAGE OF VORONEZH IN A TROPE EMBODIMENT
(BASED ON THE MATERIAL OF LITERARY AND ARTISTIC TEXTS)**

Marina I. Filatova¹

*Voronezh State Pedagogical University²
Voronezh, Russia*

¹Postgraduate student of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, ORCID ID: 0009-0008-7979-745X, e-mail: mar.fil.11@yandex.ru

Abstract. The proposed topic of the analytical article is related to the solution of the question concerning the description of linguistic means of representation of the image of a provincial city represented in literary and artistic works. In this regard, the author solves the actual problems of defining the concepts of "image" and "image of the city", "urban text", which have not yet been fully systematically developed in the scientific linguistic literature. The study for the first time offers a method of complex analysis of trope means based on a system-functional approach that takes into account the classification of lexical-phraseological units with their contextual features, and allows to form a complete picture of the image of the city of Voronezh as a special cultural text and its most important components and to identify the key meanings of the author's idea. Special attention is paid to the typology of the main components of the Voronezh macroimage and the definition of the role of urban microimages and plots as world-modeling coordinates. The Voronezh Text paradigmatically unites a complex of micro-images as part of the image of the city of Voronezh, which embody a specific model of urban existence and are characterized by a single system of means of artistic expression.

Keywords: image, image of the city, Voronezh, "Voronezh text", literary and artistic text, trope means.

Cite as: Filatova, M.I. (2023) The image of Voronezh in a trope embodiment (based on the material of literary and artistic texts). *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (4), 155–159. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_155

Received 06.11.2023

Accepted 28.12.2023